

12+

Литературный МАЯК

№ 2
(263)

Редактор выпуска Дмитрий ЕРМАКОВ

Любезный читатель, здравствуй!

Вот и февраль. Зима уж на исходе...

Но 160-летие Антона Павловича Чехова не пролетит мимо нас, хоть и миновал уже день его рождения...

Итак, внук крепостного крестьянина, сын мелкого лавочника, румянощёкий гимназист, юноша-студент, говорящий басом, автор подписей под карикатурами и коротеньких рассказов во второстепенных юмористических журналах, популярный писатель, драматург, символ русского интеллигента, самый смешной и самый грустный русский писатель... Всё это Чехов. Земной жизни его было всего лишь сорок три года...

Кроме книг и пьес, остались и насаженные им сады, построенные на его деньги и под его неустанным приглядом школы и больницы, из присланных им книг формировались целые библиотеки на Сахалине и в его родном Таганроге...

Вот лишь несколько записей из записных книжек Чехова.

«Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой».

«Крестьяне, которые больше всех трудятся, не употребляют никогда слова «труд».

«Тля ест растения, ржа - металлы, а лжа - душу».

«Какое наслаждение уважать людей! Когда я вижу книги, мне нет дела до того, как авторы любили, играли в карты. Я вижу только изумительные их дела».

«Что прикажете делать с человеком, который надевал всяких мерзостей, а потом рыдает?»

«У бедных просить легче, чем у богатых».

«- Человеку нужно только три аршина земли.

- Не человеку, а труппе. Человеку нужен весь земной шар».

Спасибо Антону Павловичу Чехову за то, что он и сегодня делает нас лучше...

Дмитрий
ЕРМАКОВ

100-летие Фёдора Абрамова

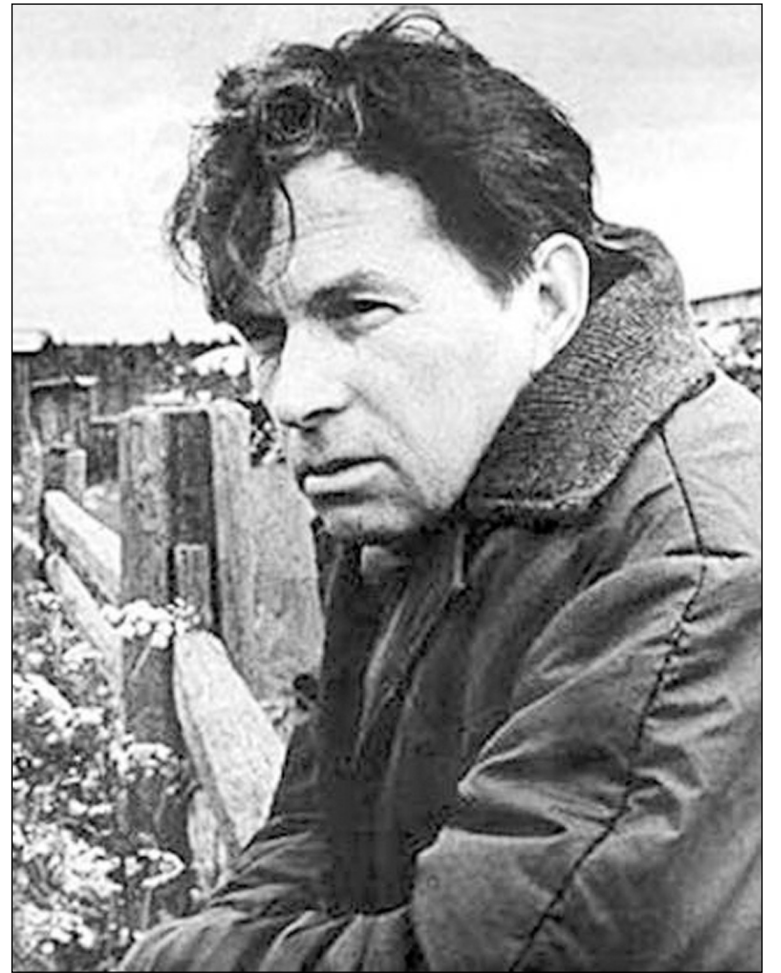
29 февраля исполнилось бы 100 лет со дня рождения выдающегося русского писателя Фёдора Александровича Абрамова. Он родился в деревне Веркола Пинежского района Архангельской области в 1920 году. С детства познал крестьянский труд, учился в школе, поступил в Ленинградский университет, воевал, был ранен, преподавал, начинал творческий путь как литературовед... Но главным делом его жизни стала литература: «Братья и сёстры», «Деревянные кони», «Пелагея», «Вокруг да около» - эти и многие другие романы, повести, рассказы, очерки Фёдора Абрамова стали классикой русской литературы.

Василий Белов вспоминал: «Помню, как я читал романы Фёдора Абрамова «Братья и сёстры» и «Безотцовщина». Это были потрясающие для меня открытия! Было просто непонятно, как можно было написать такую горькую правду сразу после войны! Я прочитал эти книги по рекомендации моего родного брата Юрия. Он говорит: вот почитай книги, это про нашу семью написано. И точно! Я читаю, вроде всё про нашу

семью, даже в деталях, вплоть до коровы! Я был потрясён, когда прочитал эти книги. А ведь взрослый был. Уже в армии отслужил. Я нигде не читал ничего подобного. Оказалось, что можно писать правду о колхозной жизни!»

Сходство личной и творческой судьбы сблизило Фёдора Абрамова с Александром Яшиным и Василием Беловым. Как Яшина «били» за «Рычаги» и «Вологодскую свадьбу», так Абрамова «били» и травили «письмами земляков» за очерк «Вокруг да около». Оба первыми, открыто, честно, с сердечной болью подняли вопрос о сохранении деревни и крестьянства, традиционной народной нравственности. Именно эту линию их творчества продолжил и В. И. Белов в публицистических повестях «Ремесло отчуждения» и «Раздумья на родине». Именно творчество Фёдора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина и других близких им писателей и создало феномен «деревенской прозы», явилось вершиной русского духа в мировой культуре в двадцатом веке.

У Фёдора Абрамова есть рассказ «Из колена Авакумова» - о

Фёдор Абрамов

простой истово верующей крестьянке. Он и сам был из той же «аввакумовой» породы - за правду, за свою веру готов был и на костёр...

Фёдор Александрович Абрамов умер в 1983 году в Ленинграде, похоронен в родной Верколе, на угоре над северной рекой Пинегой...

Фёдор АБРАМОВ

Высокая грамота

(из выступлений, статей, рабочих записей)

«Встаньте, люди! Русская крестьянка идёт с восьмидесятилетним рабочим стажем».

«Почему деревня стала моей преобладающей темой? Я хотел бы, чтобы это понимали не в узком смысле. Деревня - мать наша, это нива, на которой всколосилась русская культура. Убеждён: на примере жизни деревенской бабы, которая не выходила за околицу, можно дать не только историю всей страны, но историю человечества...»

«Моей, всей нашей болью в послевоенные годы была деревня, вопросы хлеба настоящего, а значит, и хлеба духовного, ибо эти два сорта хле-

ба не существуют по отдельности...»

«Не написать «Братья и сёстры» я просто не мог... Летом сорок второго года, во время отпуска после второго ранения, я попал в родную деревню. И тогда мне въяве - в работе, в немислимых лишениях и бедах, в невиданной героике и душевной стойкости - удалось увидеть родное Пинежье, русскую деревню. И это осталось во мне на всю жизнь... Перед глазами стояли картины живой, реальной действительности, они давили на память, требовали слова о себе. Великий подвиг русской бабы, открывшей в 1941 году второй фронт, фронт, может быть, не менее тяжкий, чем

фронт русского мужика, - как я мог забыть об этом!»

«Русская женщина давно уже стала и у нас, и за рубежом мерилем духовной силы. Нравственной красоты и чистоты.

И всё же, думаю, особой признательности заслуживает наша северная крестьянка, та самозабвенная труженица, которая веками наравне с мужчиной несла все тяготы нелегкой борьбы с суровой северной природой и которая при этом не утратила своей душевной щедрости, сердечности и жизнестойкости, своего исконно русского слова, способного и ободрить, и вдохновить затосковавшую душу, заклеить

зарвавшегося наглеца и многоцветным северным сиянием вспыхнуть в задорной частушке, пронзительной песне.

Нет слов, чтобы сказать о подвижничестве русской северной бабы в тяжкую годину Великой Отечественной войны...»

«... Я везде, во всех своих сочинениях... прежде всего отдаю поклон русской женщине. И я не сомневаюсь, я уверен в этом, что придёт время, когда одним из самых великолепных и удивительных памятников на Руси будет памятник, воздвигнутый в память о военном подвиге русской бабы и её послевоенном подвиге».

Окончание на стр. 16

Окончание.
Начало на стр. 15

«Возрождение Нечерноземья, возрождение России - это задача номер один, это задача государственной важности... Нельзя допустить, чтобы продолжалось дальнейшее отставание русской центральной земли от окраинных республик. Нельзя больше мириться с тем, что мы из года в год ввозим из-за океана хлеб. Россия должна вернуть славу хлебной державы мира, Россия должна завалить мировой рынок своим хлебом. Это задача не деревенская, это задача не одногодная, это задача не только тех людей, которые сегодня трудятся в деревне. Это задача поистине всенародная».

«Мы ничего не можем, ничего не решаем!» - это самый ненавистный мне образ мышления, с которым необходимо бороться, ибо многое на местах зависит от нашей собственной активности, от поведения каждого человека. И мне кажется, что наиглавнейшая, общегосударственная задача сегодня - активизировать тех, кто погружен в болото равнодушия, безразличия и неверия в свои силы. И

Высокая грамота

(из выступлений, статей, рабочих записей)

все мои писания, все мои сочинения преследуют именно эту цель».

«... социальная перестройка жизни, не подкрепленная душевной работой каждого, не может дать должных результа-

тов. Что я понимаю под душевной работой каждого? Это самовоспитание, строительство собственной души, каждодневный самоконтроль, каждодневная самопроверка высшим судом, который дан человеку, - су-

дом собственной совести. Совесть - это как раз та сила, которая помогает сдирать с человека коросту эгоцентризма, коросту всякой затхлости. Это та сила, которая выводит человека на пути широкого братства, тре-

Фёдор АБРАМОВ

бовательности к себе и людям».

«Каковы же итоги? К чему же все-таки я пришел к своему шестидесятилетию? Чему я поклоняюсь? Какая моя вера? Что больше я ценю в своей жизни? И от чего получал радости больше всего?»

Работа! Работа! Каждая хорошо написанная строчка, каждый хорошо написанный абзац, страница - это самое большое счастье, это самое большое здоровье, это самый лучший отдых для души, для ума, для сердца... Работа - это, вероятно, самая высокая любовь, любовь к своей семье, любовь к своему дому, любовь к Родине, любовь к народу...»

«Душа у человека - самая высокая грамота».

Дмитрий ЕРМАКОВ

Девочка из Ленинграда

(рассказ старой кружевницы)

В сорок втором году, где-то уже в апреле месяце, в наше село, в детский дом, из Вологды привезли ленинградских детей...

Я там в то время воспитателем работала. Только-только школу закончила - тут и война. Сразу ребят и мужиков в армию призывали. А потом похоронки начали приходить.

Детский дом ещё до войны в нашем селе сделали, в бывшей церкви. Церковь закрыли - детский дом открыли, вот как...

Вот и привезли этих ребятшек - трёх девочек да трёх мальчиков лет по семь-восемь. До сих пор плачу, как их вспоминаю, - скелеты живые. А ведь их уже подкормили в Вологде. Многие-то, говорили, и не доехали от Ленинграда до Вологды, умерли в пути...

Это немцы Ленинград-то окружили, блокаду сделали. Люди с голоду умирали, а город врагу не отдали. Вот детей по льду Ладожского озера оттуда и вывозили, по Дороге жизни...

Ребятишки те сначала с другими детьми не играли, а как шум какой услышат - под кро-

вати, под столы прятались. Потом мы поняли: это они боятся бомбёжки или артобстрела. И всё молчали они. Ведь у них на глазах умирали их мамы, братья, сёстры... От голода. Как тут не онемеешь.

Вот и старались мы все - воспитатели, нянечки, дети - этих воробушков отогреть: покормить повкуснее, книжку почитать, сказку рассказать...

Младшие дети у нас все вместе спали, в одной большой спальне - кровати мальчишек по одной стороне, девочек по другой. Вот и заметили мы, что ночью всё время кто-то из ленинградских детей плакать начинает, сам просыпается и других будит. Стали мы по ночам в спальне дежурить, чтобы сразу успокоить...

А у нас в селе, в окрестных деревнях, да по всему Кубенскому берегу, кружевниц много было, почти в каждом доме плели.

Вот и я от мамы да сестёр переняла. Ну, днями-то некогда было плести: и за детьми глядели, и в огороде работали, и дрова заготавливали - всё сами, всё

мы - воспитательницы, нянечки, старшие дети. А вот ночью-то сидишь в спальне с малышами, лампу керосиновую зажжёшь и плетёшь. Пока все не уснут. И сама-то иной раз прямо за пальцами усыпала. Перележешь тут же на кровать, спишь да слушаешь - не плачет ли кто?

Детишки к кружевному плетению присматривались, конечно. Одна-то девочка особенно, из ленинградских. Я и спросила: «Хочешь научиться?» Она кивнула.

Принесла я из дома ещё одну подушку-куфтырь, палеца, спросила разрешения у директора (строгая женщина была), стала и днём ребяткам кружевное плетение показывать. Поначалу много их вокруг меня собиралось. Да быстро поостыли - дело непростое, усидчивости требует... Вот одна только эта девочка, Аля её звали, и сидела со мной. Молчит да плетёт. В школу сходит (школа в соседнем доме была) и опять за кружево. Хорошо у неё стало получаться...

Беда бедой, а жизнь жизнью - потихоньку стали ленинградские

ребятишки оттаивать. Рассказала мне и Аля, что отец у неё ушёл на фронт в первый же день войны, и не было от него ни письма, ни похоронки. Видно, пропал без вести. А мама и старшая сестра умерли в первую блокадную зиму от голода...

Всё мне рассказала Аля. Страшно было и слушать-то. Уж и наревелись мы с ней тогда.

Но с того-то вечера стала она и разговорчивей, и веселее. Плетёт кружева рядом со мной да всё мне про Ленинград рассказывает, какой это красивый город.

А уже когда блокаду с Ленинграда сняли, детей ленинградских увезли обратно. У кого родных не нашлось, там в детский дом определили.

Вдруг после Победы пришла мне открытка из Ленинграда: красивый дворец на ней, река, мост - всё, как Аля рассказывала. А с другой стороны взрос-

лым почерком было написано, что, мол, пишет отец Али, что вернулся с войны, забрал дочь из детдома. «Спасибо вам за дочь», - написал. И Аля сама приписала: «Спасибо за кружево».

Я ведь и в гости к ним ездила. Всё они мне показали, своими глазами и дворцы увидела, и мосты...

Я им тогда кружевную скатёрку в подарок свезла... Аля-то говорила, что будет и там кружева плести, только, мол, солону на подушку трудно найти...

Вернулась я домой, переписывались мы сначала. А потом, как бывает, - адреса поменялись, другие заботы появились... Так и потерялись мы. Уж не знаю, плела ли Аля кружева, но что помнит их и по сей день - это точно.

Я и сама-то уж давно не плету: глаза не видят, пальцы не шевелятся, ведь скоро девяносто годов будет мне, куда уж... А правнучка-то плетёт.

Ф О Ю А Р Г К

Страница творчества детей и для детей

0+

Мария КОРЧАГИНА
(Спасская средняя школа,
4-й «А» класс, п. Непотягово)

Однажды в деревне у бабушки я гулял со своим другом Петькой. Бежим мы запускать воздушного змея и слышим, что нас кто-то зовёт. Мы обернулись и видим, стоит дядя Вова. Мы остановились, он и говорит:

- Мальчики, я уже старенький, помогите мне покрасить забор, пожалуйста. Да вот и с цветом я не могу определиться...
- Петька, - сказал я, - поможем дяде Вова?
- Поможем! - ответил мой друг. Отвёл нас дядя Вова к своему домику и показал старый покосившийся заборчик.

- Ну что, ребятки, какой цвет выберете - синий, зелёный или красный?

Честно сказать, красный нам нравится больше всего. Мы и

Помощнички

крикнули:

- Красный!
- Хорошо, будь по-вашему. Берите кисточки, вот вам банка краски...

И мы начали красить. Красим, красим, и вдруг Петька роняет кисточку прямо на меня, и на моей футболке появляется большое красное пятно.

- Ты что наделал, мне бабушка только вчера эту футболку постирала!

- Да ладно... Ну, добавил тебе на футболку абстракционизма!
- Ах, ладно!.. Ну, тогда держи! - и я нарисовал на его футболке большой смайлик.

- Давай не ссориться, - сказал Петька.

- Давай, - согласился я. А когда докрасили забор,

Петька новую игру придумал.
- Давай в пятнашки играть, - сказал он.

- Давай, а как?
Оказалось, что играть очень весело и просто: нужно брать на кисточку немного краски, прятаться, бегать и мазать противника краской.

Закончили мы оттого, что вернулся дядя Вова:

- Эх, посмотрели бы вы на себя! Красавцы! Идите отмывайтесь. Спасибо, что помогли!

Долго мы потом отмывались от пятнашек. Да и бабушка была не рада такому подарку. Но похвалила нас за то, что мы помогли дяде Вова.

И всё-таки играть было весело. Но больше мы в такие пятнашки не играли.

Рамир ДАВЫДОВ
(Спасская средняя школа,
4-й «Б» класс, п. Непотягово)

Друзья-путешественники

В деревне Алексеевке жил мальчик Рамир. У него было много товарищей и три лучших друга: Катя, Артур и Петя.

Рамир был очень трудолюбивым и всегда помогал маме в огороде, а папе с починкой машины. А ещё он ухаживал за быком Кузей.

Но Рамиру не хватало в жизни приключений!

Однажды знойным летним утром Артур собрал своих друзей и спросил: «Вы хотите отправиться со мной в путешествие, чтобы повидать диких животных и побывать там, где ещё не ступала нога человека?»

Поначалу друзья возражали, но потом согласились.

На следующий день, когда мама работала, а папа чинил машину, Рамир собрал своих лучших друзей, и они отправились на рыбалку, взяв всё необходимое: верёвку, удочку с поплавком, кувшин молока и буханку хлеба. Пошли они на север, через лес.

Привал был спустя пять километров. Хотя неподалёку была избушка лесника, они не пошли в неё. Первым повалился на землю Петя. Катя села и загляделась на облака. Но Артур сказал, что надо подниматься и двигаться дальше.

Они шли, прислушиваясь к лесу и собирая грибы. А вечером разожгли костёр, пожарили грибов, сделали шалаш и уснули.

Наутро Рамир сказал, что еды осталось мало и пора возвращаться. Все друзья послушались его и вернулись домой...

Но когда они выросли, то обошли весь земной шар.

Азиза НАЗМИДИНОВА
(Спасская средняя школа,
4-й «Б» класс, п. Непотягово)

Жила-была кочка

На лесной полянке жила-была кочка. Это был целый лесной домик. В нём жили многие маленькие лесные обитатели.

Кочка эта была вся из травы. Травку с кочки скусывали разные животные. Кочку трепали ветра, поливали дожди, трещали над ней морозы... Так и жила она много лет.

И вот однажды, как только подсохла утренняя роса, мимо кочки шли три рыжих муравья. Муравьи жили неподалёку, на краю леса. Заняты эти муравьи были очень важным делом - они сохраняли здоровье леса, собирали и съедали вредных насекомых. За это все в лесу их очень уважали.

Три муравья остановились около коч-

ки. Как и полагается серьёзным муравьям, постояли, подумали. Потом старший из них говорит:

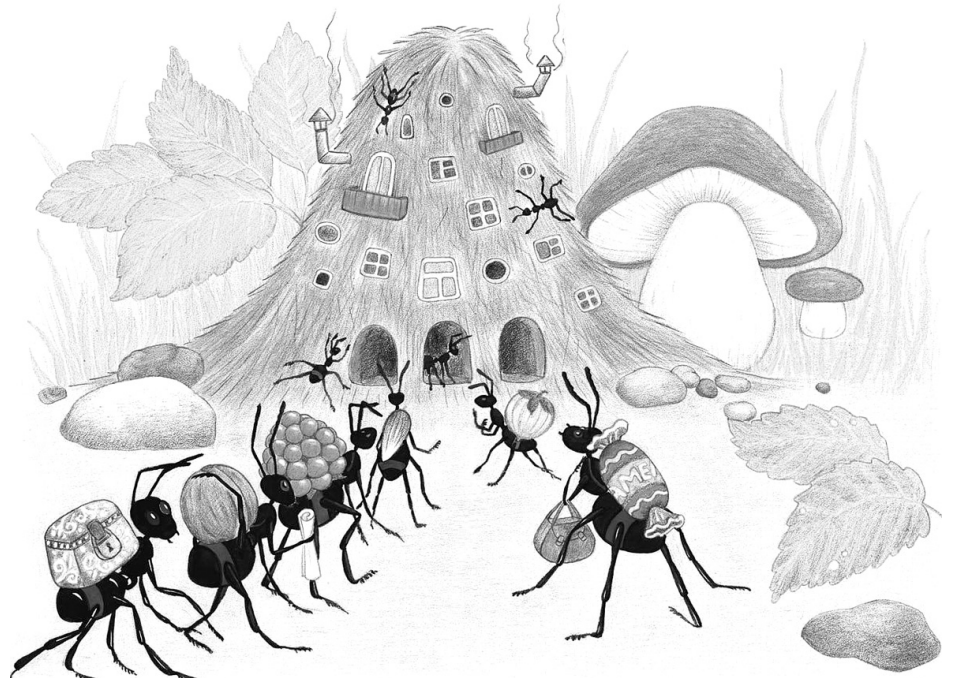
- Кажется мне, что внутри этой кочки много сухой травы. Наверное, там тепло и уютно.

Второй муравей, он был моложе всех, сказал:

- Я пойду и посмотрю!

Вскоре он вернулся и сказал, что увидел там тёплое сухое место. Теперь в кочку полезли все трое. Осмотрелись там и решили строить в кочке новый дом. В старом было уже тесно.

Муравьи поселились в кочке, и она этому очень обрадовалась, ведь начиналась новая для неё жизнь.

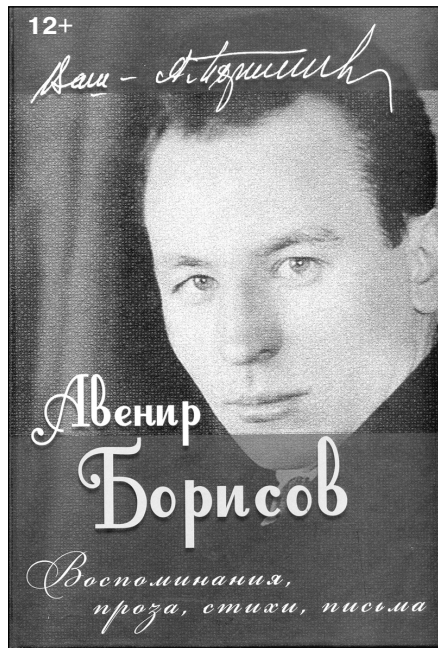

В Вологде вышла в свет книга «Авенир Борисов: воспоминания, проза, стихи, письма».

Авенир Борисов, заслуженный учитель, вспоминает о жизни деревни в 20–30-х годах XX века, о знакомстве с поэтом Александром Яшиным, о годах, проведённых в лагерях ГУЛАГа.

Составителем книги выступил сын Авенира Борисова - Виктор Борисов, вологодский писатель, председатель Союза писателей-краеведов Вологодской области.

Эта книга - судьба конкретного человека и вместе с тем документ, свидетельство эпохи. Представляем читателям фрагмент книги.

Авенир БОРИСОВ

Последняя встреча с ЯШИНЫМ

... В 1957 году мы встретились в последний раз. Было это в Москве. Я приехал купить себе пальто и остановился у своих друзей на Петровском бульваре. В первый же вечер прочитал рассказ Яшина «Рычаги», который был опубликован в альманахе «Литературная Москва» весной 1956 года. На второй день пошёл на квартиру Яшина, в Лаврушинский. Мне работница сказала, что Яшин ушёл на пленум Союза писателей в Доме писателей на Воровского. Туда я и направился. Я устроился в буфете дожидаться перерыва. В Никольске, в педтехникуме, мы с ним не то чтобы дружили, но он меня как-то выделял. Я очень хорошо знал стихи Есенина, который был запрещён, и переписал Яшину несколько тетрадей стихов Есенина. И вот в Доме Союза писателей он меня узнал, вспомнил через столько лет. Хлопнул себя по лбу: «Постой, постой», - и ведь вспомнил и моё имя: «Авенир?!» И первый его вопрос:

- Читал «Рычаги»?
- Вчера прочитал.
- И что думаешь?
- Считаю, что рассказ смелый и талантливый.

Яшин обрадовался моей оценке и с грустью заметил:

- А меня за рассказ сейчас прорабатывают. Все эти лакировщики сафроновы и бабаевские.

Я пытался его успокоить и рассказал о том, как в 1937 году мне пришили статью, по которой загнали в лагерь на десять лет на строительство железной дороги от Котласа до Воркуты. За полгода до окончания срока Верховный суд отменил приговор за недоказанность обвинения...

На Яшина моё откровение произвело жуткое впечатление. Он намурился, молчал.

- Сколько достойных людей прошли через лагерь... - наконец с грустью произнёс он.

Перерыв закончился, и мы простились. Последние его слова были:

- Передай привет всем нашим...

Вселенная полей Николая Васильева

В конце января гостем Вологды был писатель Николай Васильев, в областной библиотеке он представил свои издания, рассказал о себе и своём творчестве.

Николай Васильев живёт в Вельске Архангельской области, много лет работал школьным учителем. Книги его посвящены природе, литературе. Николай Васильев обладает замечательным даром - живописания словом...

Уникальны издаваемые им газеты: литературная газета Архангельской области «Графоман» и газе-

та «Малая родина», издаваемая в посёлке Хозьмино, в котором живут всего 300 человек. Обе газеты издаются на средства подписчиков. Удивительное явление, заставляющее о многом задуматься...

Своим литературным творчеством, работой учителя, журналиста, редактора и издателя Николай Васильев охраняет и сохраняет свою родину, ту самую «вселенную полей», о любви к которой так замечательно он пишет.

Представляем читателям главы из книги «Вселенная полей».

Николай ВАСИЛЬЕВ

Немножко зимы

Николай Васильев

Александр
Логинову

Молитвенный дом зимы. Скрипы тропинок, вздох снегиря в палисаднике перед школой. Белое благообразие, лишённое нечистот, сквернословия, суеты. Чуть затуманенное солнцем к лицу этому храму чистоты и тишины. Мягкий, врачующий свет его наполняет улочки деревни, поля, долину реки. Наверное, в пору моим годам седьмое посверкивание снежной крошки - не утомительное, не режущее глаз, а ме-

ланхоличное. Небесный колодец исполнен неторопливого электрического попыхивания искр снега.

Чистенькие сугробы, девственные раскатанные снежные сугробы по крышам домов, лёгкий пушок свежеевыпавшего снега на дорожках. Едва прижмёшь лопату - он течёт от неё, от земли испуганными белыми пчёлами и снова мягко оседает на мостках и тропинках у дома.

Утром - графика трубы котельной и дыма на холодной розовой щетинке восхода. Зябкие контуры.

А на западе мягко, притушено. В нарождающуюся тонкую кисею облаков дня садится луна. Между лап сосен. Неподвижно всё: ветви, снег, луна, тени. И ежеминутно меняющееся веселье востока - не греющее. Утро марта... Предтеча - по свету и запаху...

Весь день снег. Тихий. Знаете: в ярком и чистом свете дня, в котором солнце явственно живёт за облаками, вдруг - снег. Светлый, дневной, солнечный снег. Так действует на нас только первый снег. А к этому примешивается ещё и предощущение весны, а главное - длинных и светлых дней!

...Вечером - удивительный свет. На западе, над тёмными, неудобными тучами, вспыхнуло мутно-опаловое сияние. Оно окрасило снега, припорошенный инеем лес, заснеженные крыши домов, сараев. Ощущение подарка, которого не можешь получить: так он рассеян симпатично вокруг тебя, и так ты сам растерян от щедрости подаренного света, сияния «фаворского». Некая зыбкость и не отталкивающая искусственность... Не острый фокус солнца ли,

а проникшее в поры всего сущего. Опаловое везде. И в самом тебе.

И в это же время на востоке - глубочайшие по силе прорывы, схожие скорее с грозowymi тучами, и на них выдохшиеся, бледные облака - как сдутые воздушные шарики...

Снегирь-сановник устроился в малиннике, наполовину утонувшем в снеге. Осмотрелся и начал опустошать чашечки плодов. Ягод, конечно, нет. Но что-то в наверху тёмных привлекает его аппетит. Но удивило другое: как ленок, чертёга, как изящен в движениях толстячок красногрудый!

То вьётся у ветки, как колибри, то, устроившись на ней, артистично вытягивает шейку - влево-вправо, влево-вправо... А то запрокидывает голову с клювом в невообразимом кульбите и ловко целит ударом. По снегу бегать не охотник. Обозначил едва-едва следок на сугробе, вспорхнул, зацепился и повис - вниз головой. И опять выцеливает. И стучит по сохлым розеткам. Сколько живу, а такого резвунчика впервые вижу. Жаль, мало погостил.

На лыжне

С утра небеса были низки. Лес на их фоне особенно хорош. Как осенью ярка необычайно листва берёз на фоне чернильного неба октября, так и сегодня явственен снег. Вопиющ своей сахарностью. Тих, и пока шёл - ни одной снежинки не соскользнуло с ветвей ив и берёз, ни один клочок не скатился с лап елей и сосен...

Когда вышел в поля на петлю, мимо промчалась большая - в десятка три-четыре - стая светлых птичек. Ни одного звука. Промельстели безмолвные. И вообще, птичьим лес в этом году веселее, пест-

рее. Поселились рядом с домом клесты-хвойники. Впервые вижу их здесь. Живей и от синичьих тиришек голосовых, от тихо, сонно позванивающих свистелей, от флотилей ярких и шумных сорок. В просвет электролиний влетел крупный ворон. Планировал метров сто, не взмахнув крыльями...

Зверьё прибывает к густому и низкому ивняку почти у самых домов. Листопаднички подрастают - всё крупнее их следки. Весело смотреть на мести их попрыгушек. Малые и по лыжне не брезгают скакнуть разок-другой,

а взрослые зайцы всегда выстреливают перед ней и летят метра полтора-два... Дважды лыжню (делающую петлю) пересек лось. Даже одни следы его впечатляют тяжестью, ёмкостью, величием! Уважительно так поглядываешь в их сторону. А вот лиса не стесняется идти по твоей накатанной колее. Или вьётся её аккуратная, изящная тропка рядом, по насту после снегохода...

Видишь редко. Тут нужно часами ходить да таиться. Но иногда сvezёт... Нёс домой ёлку. Впереди вспыхнул, взорвался сугроб. Покатилось белое

облако по полю. Только движение выдавало зайца! Крупный, совершенно снежный, восхитительный. И радость в душе от заячьего перекасти-поля. А то бреду около мелиорационной канавы, давнишней, заброшенной... И лиса по ту сторону её выплывает. Канавка - метра два. И до лисы всего пять-шесть метров. Я на неё поглядываю - она на меня. Болтаю с ней о чём ни попадя... Никаких признаков боязни. А мало мы им интересны. Они нам всё-таки больше нужны. Для чего-то важного, полузабытого или совсем забытого.